

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА

УДК 902/904

СВИДЕТЕЛЬСТВА ОБМЕНА МЕЖДУ НАСЕЛЕНИЕМ КАРЕЛИИ И ЭСТОНИИ В ФИНАЛЬНОМ КАМЕННОМ ВЕКЕ: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО И ПЕТРОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РУБЯЩИХ ОРУДИЙ РУССКО-КАРЕЛЬСКОГО ТИПА С ТЕРРИТОРИИ ЭСТОНИИ

А. Ю. Тарасов¹, А. Крийска², Ю. Кирс³

¹ *Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН*

² *Тартуский университет, Институт истории и археологии*

³ *Тартуский университет, Институт экологии и наук о земле*

Серия рубящих орудий так называемого русско-карельского типа, найденных на территории Эстонии, была проанализирована с использованием археологических (технологический и типологический анализ) и геологических (петрография) методов. Полученные результаты подтвердили предположение о том, что эти орудия были произведены в мастерских на территории современной Карелии и попали в древности в Эстонию путем обмена. Индустрия орудий русско-карельского типа связана с периодом энеолита в Карелии (памятники с асбестовой керамикой) и представляет собой весьма высокоразвитую технологическую традицию. Стоянки-мастерские известны на западном побережье Онежского озера (устье р. Шуи).

Ключевые слова: археология, каменный век, энеолит, Карелия, Эстония, рубящие орудия, русско-карельский тип, обмен, петрография, метатиф.

A. Yu. Tarasov, A. Kriiska, Yu. Kirs. EVIDENCES OF EXCHANGE BETWEEN INHABITANTS OF KARELIA AND ESTONIA IN THE FINAL STONE AGE: BASING ON ARCHAEOLOGICAL AND PETROGRAPHICAL STUDY OF WOOD-CHOOPING TOOLS OF THE RUSSIAN-KARELIAN TYPE FROM THE TERRITORY OF ESTONIA

A series of wood-chopping implements of the so-called Russian Karelian type originating from archaeological sites in Estonia has been analyzed using both archaeological (technological and typological analyses) and geological (petrography) methods. The

results proved the proposition that these tools were produced in workshop sites in the present-day Karelia and were transported to the Estonian territory in the ancient times through exchange routes. The industry of Russian-Karelian type is connected to the Eneolithic period in Karelia (sites with the Asbestos Ware) and presents quite highly developed technological tradition. Workshop sites are known on the western coast of Onega Lake (outlet of Shuya River).

Key words: archaeology, Stone Age, Eneolithic, Karelia, Estonia, wood-chopping tools, Russian-Karelian type, exchange, petrography, metatuff.

Русско-карельский тип рубящих орудий входит в число наиболее известных и показательных явлений, определяющих облик карельского археологического комплекса. Крупные, отличающиеся строгой геометрической формой и очень качественной обработкой инструменты этого типа были замечены на самом начальном этапе изучения археологии Карелии, еще в период деятельности коллекционеров XIX в. Особенно большую активность в собирании коллекций каменного века в Карелии проявили члены организации «Финское Общество Любителей Древностей». В 1880–1890-х гг. ими, особенно школьным учителем Л. В. Пякконеном, на территории Карелии было собрано около 3000 предметов [Åugräå, 1944. S. 55–55; Nordquist, Seitsonen, 2008. P. 30–32]. Они образовали своего рода образцовую коллекцию для различия и сравнения рубящих орудий каменного века.

Для данных изделий предлагались различные названия. В конце XIX – начале XX в. поздние предметы русско-карельского типа обозначались как восточнофинляндский, карельский и аунуский (олонецкий) тип [Heikkurinen, 1980. S. 1–2]. В докторской диссертации Ю. Айлио, опубликованной в 1909 г., они были обозначены как орудия русско-карельского типа [Ailio, 1909. S. 26]. В 1940-х гг. А. Эйряпя предложил называть данные типы предметов в Финляндии восточнокарельскими. Это наименование используется в археологических изданиях Финляндии и по сей день [Heikkurinen, 1980. S. 2 и литература, на которую даны ссылки; Edgren, 1984. S. 42].

В начале XX в. в Финляндии было разработано несколько типологий рубящих орудий русско-карельского типа [Heikkurinen, 1980. S. 3, 10–19]. Важным признаком данного типа признано треугольное или трапециевидное поперечное сечение.

В российской археологии, вслед за работами А. Я. Брюсова [1940, 1947, 1952], название «русско-карельский тип» закрепилось за тополами и тёслами, имеющими «трапециевидное поперечное сечение и две резко выраженные,

сближающиеся сверху боковые грани на лицевой стороне» [Брюсов, 1947. С. 16]. Брюсов считал тип местным по происхождению и одним из основных, определяющих своеобразие выделенной им «карельской культуры» [Брюсов, 1952. С. 103–104]. При этом он отмечал, что орудия русско-карельского типа встречаются и далеко за пределами собственно Карелии, вплоть до Урала [Брюсов, 1947. С. 16].

Впоследствии данный тип выделяли все российские исследователи, работавшие с материалами каменного века в Карелии и предлагавшие типологии карельских макроформ [Филатова, 1971; Панкрушев, 1978. С. 6; Жульников, 1999. С. 61]. После того как стало ясно, что единой карельской культуры каменного века не существует, В. Ф. Филатова предложила связывать возникновение типа с пришлой культурой ямочно-гребенчатой керамики. Исследовательница представила сводку об известных к тому времени находках изделий данного типа в Карелии и за ее пределами и предложила считать его чужеродным для карельской территории, так же как и саму культуру [Филатова, 1971. С. 37–38].

Однако количество памятников с чистыми комплексами различных культур каменного века, представленных в регионе, в тот момент было еще недостаточным для убедительных заключений. В течение 80–90-х гг. прошлого века, главным образом благодаря работам А. М. Жульникова [1999], была исследована серия чистых комплексов периода энеолита с керамикой с примесью органики и асбеста. Оказалось, что орудия русско-карельского типа почти в обязательном порядке входят в состав инвентаря этих памятников. При этом на памятниках с чистыми комплексами других культур Карелии такие изделия отсутствуют [Тарасов, 2008]. Таким образом, в настоящее время можно утверждать, что русско-карельский тип орудий существовал в эпоху энеолита с асбестовой керамикой, которая по имеющимся радиоуглеродным датам датируется в диапазоне от 4410 ± 50 лет назад* (ТА 1748, поселение

* Некалиброванный C^{14} возраст.

Войнаволок XXVII) до 3150 ± 100 лет назад (ТА 1007, поселение Палайгуба II), всего 23 даты [Жульников, 1999. С. 75–79].

Проблема русско-карельского типа изначально оказалась тесно связана с вопросом о так называемом «олонецком зеленом сланце», а также с вопросом о связях и обмене в среде древнего населения, поскольку изделия из этого зеленого сланца встречены далеко за пределами Карелии. Еще Л. В. Пяакконен обратил внимание на особое значение района в устье р. Шуи вблизи г. Петрозаводска, из которого происходило очень значительное количество находок крупных сланцевых орудий.

Во второй половине XIX в. под руководством Ю. Айлио начался анализ находок из Карелии, собранных в Национальном музее Финляндии. Тогда же геологом Э. Мякиненом был произведен петрографический анализ каменных изделий, который показал, что большая часть предметов была изготовлена из туфа, происходящего из района северо-западного побережья Онежского озера [Äyräpää, 1944. S. 57–59]. В археологической литературе данную породу начали называть аунуским (олонецким) или онежским зеленым сланцем, потому что она часто бывает пластинчатой или сланцевидной [Äyräpää, 1944. S. 58].

В 1943 г., во время финской оккупации, этот район обследовал А. Эйряпя. Исследователь пришел к выводу о существовании здесь крупного центра по изготовлению орудий из местного «зеленого сланца», представленного в виде крупных галек и валунов. Производившиеся здесь вещи, по его мнению, предназначались для торговли [Äyräpää, 1944. S. 60]. Эта идея, которая осталась в рукописной статье [Äyräpää, 1944], стала общепринятой в финской археологии, а также была использована в книге Дж. Г. Д. Кларка «Доисторическая Европа» [Кларк, 1953. С. 246–247]. Несмотря на ее опровержение, сделанное А. Я. Брюсовым в виде примечания к русскому изданию книги Кларка [Кларк, 1953. С. 246], позже она была повторена Н. Н. Гуриной [1974. С. 15].

Однако новые исследования в данном районе продолжились только в 90-е гг. прошлого века [Жульников, 1999], когда были вновь локализованы стоянки-мастерские в устье р. Шуи и проведены новые сборы. В 2000 г. А. М. Жульников провел первые раскопки одной из мастерских – Фофаново XIV. Новые материалы позволили установить, что на памятниках этого района, которые могут считаться стоянками-мастерскими, изготавливались преимущественно орудия русско-карельского типа, и существовали они в период энеолита с асбестовой кера-

микой. Результаты анализа всего технологического контекста, полученного в результате новых исследований, включая материалы с мастерских и постоянных поселений периода энеолита, представлены в ряде работ одного из авторов этой статьи [Тарасов, 2002, 2003, 2004а, б, 2006, 2008].

В настоящее время можно утверждать, что рубящие орудия русско-карельского типа связаны с очень развитой для своего времени технологической традицией, существовавшей в южной Карелии в период энеолита. Для энеолитической индустрии макроорудий Карелии характерно использование *сырья* почти исключительно высокого качества (с твердостью, часто превышающей 6 по шкале Мооса), изготовление орудий на специализированных *мастерских*, а не на постоянных поселениях, с использованием сложной *технологии* расщепления и очень качественной завершающей *абразивной обработки*, высокое *качество* большинства готовых изделий и высокая степень морфологической *стандартизации*. Все эти признаки не были характерны для более ранней индустрии макроорудий в Карелии. Перечисленные особенности индустрии позволяют предполагать зарождение специализации в данном виде производства. Находки орудий русско-карельского типа на значительном удалении от единственного известного на данный момент производственного центра, в том числе далеко за пределами современных административных границ Карелии, также позволяют предполагать, что существенная часть орудий производилась для обмена.

Вопрос об участии орудий русско-карельского типа в процессах обмена, имевших место в среде древнего населения восточнобалтийского региона, находится в центре внимания данной статьи. Исследователями неоднократно отмечалась интенсификация такого рода контактов в позднем неолите и энеолите. Наиболее заметным фактом в этом смысле являлось распространение прибалтийского янтаря в центральной полосе и в северо-западных регионах России и Финляндии [Гурина, 1974; Вуоринен, 1984; Лозе, 1985; Zhulnikov, 2008]. Орудия русско-карельского типа могли быть одной из тех ценностей, которая поступала в прибалтийские регионы в обмен на янтарь. Нельзя исключать того, что подобные контакты имели место еще до возникновения индустрии русско-карельского типа в Карелии. Также несомненно, что в таком обмене участвовали не только янтарные изделия и каменные топоры.

Тем не менее на данном этапе мы ограничили свой поиск рубящими русско-карельскими

орудиями. Это связано с тем, что они могут быть легко выделены в материале на основании одного типологического критерия. Присутствие в коллекциях находок с территории Эстонии каменных орудий, предположительно импортированных из Карелии, было отмечено еще в первой половине прошлого века, когда финскими исследователями было произведено картографирование находок изделий из «олонецкого зеленого сланца» [Tallgren, 1922. Lk. 58; Äyräpää, 1944. S. 59]. Часть найденных в Эстонии рубящих орудий из сланца, как и в Финляндии, считались происходящими из Карелии [например: Moora, 1935. Lk. 46; Янитс, 1959. С. 216; Kriiska, Tvauri, 2002. Lk. 64]. На сегодняшний день значительно увеличилось количество источников и были существенно уточнены вопросы хронологии и культурного членения археологических комплексов восточнoбалтийского региона. В настоящее время назрела необходимость составления максимально полного каталога находок изделий русско-карельского типа и уточнения их культурно-хронологического контекста. Необходима проверка предположения о том, что такие вещи являются импортом из южной части Карелии, и установление направлений, форм и особенностей такого обмена, если он действительно имел место. В качестве начального этапа такой работы нами был составлен каталог находок орудий русско-карельского типа на территории Эстонии.

Для выполнения этой задачи нами были просмотрены коллекции основных эстонских памятников, содержащих материалы каменного века и эпохи раннего металла, а также коллекции случайных находок Исторического института Таллиннского университета, Института истории и археологии Тартуского университета, Пярнуского, Нарвского и Тартуского музеев. Существует большая вероятность, что рубящие орудия русско-карельского типа имеются также в маленьких музеях Эстонии, в коллекциях Латышского исторического музея в Риге, в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого в Петербурге, материалы которых еще предстоит проанализировать. Однако материал, собранный к настоящему моменту, уже вполне репрезентативный для обобщения.

Всего в базу данных были включены описания 40 предметов (рис. 1). Они обнаружены во всех регионах Эстонии, где имело место интенсивное сельскохозяйственное освоение территории (способствовавшее обнаружению случайных находок) и где имеются памятники, исследованные на значительной площади (рис. 2).

Большинство стоянок, на которых найдены такие вещи, содержат смешанные разновременные комплексы, включающие гребенчато-ямочную керамику, в том числе позднюю гребенчато-ямочную керамику [Янитс, 1959; Jaanits et al., 1982. Lk. 60–61, 67–72, 78–82, 83, 105, 130, 136–146, 172–174; Kriiska, 1996. P. 366–367], данные комплексы частично синхронны [Lang, Kriiska, 2001. Lk. 92] с асбестовой керамикой в Карелии. Исключением является укрепленное поселение Асва, археологический материал которого, за исключением нескольких черепков шнуровой керамики, относится в основном к периоду ранней бронзы и железного века [Jaanits et al., 1982. Lk. 136–146, 172–174; Lang, 2007. P. 60–63].

По результатам первичного визуального морфологического анализа данная совокупность была разбита на ряд групп:

I Орудия русско-карельского типа (23 экз.). Группа включает предметы, степень сохранности которых позволяет определить все диагностические типологические признаки, и эти признаки позволяют трактовать их как изделия русско-карельского типа (рис. 1).

1. Целые орудия, т. е. предметы, у которых, несмотря на некоторые повреждения, сохранились лезвийная, средняя и обушная части. Выделены 13 экз., включая 2 тесла, 2 топора, 8 желобчатых тёсел и одно орудие с затупленным лезвием, вид которого невозможно определить. Почти все они являются случайными находками. Только два изделия, оба желобчатые тёсла, происходят из контекста поселений: Валма и Наакамяэ.

2. Орудия с отломанной обушной частью, использование которых в качестве инструментов после разлома было продолжено (об этом позволяют судить следы износа на плоскости разлома в обушной части, возникшие в результате трения о рукоять). Имеются три предмета. Два тесла происходят из контекста поселений: Акали (до 1955 г. известное как Конса) и Асва. Одно желобчатое тесло является случайной находкой. Все имеют трапециевидное сечение.

3. Мелкие обломки орудий, не имеющие следов вторичного (после разлома) использования в древности. Имеются 7 экз., среди них два тесла, одно из которых является случайной находкой, второе происходит из поселения Тамула I, два желобчатых тесла, одно из Тамулы I и одно из поселения Кунда Ламмасмяги, а также три обломка обушных частей орудий, два из Тамулы I и одно из поселения Вилла. Сечение почти у всех предметов четко трапециевидное, у обуха из Вилла оно треугольное.

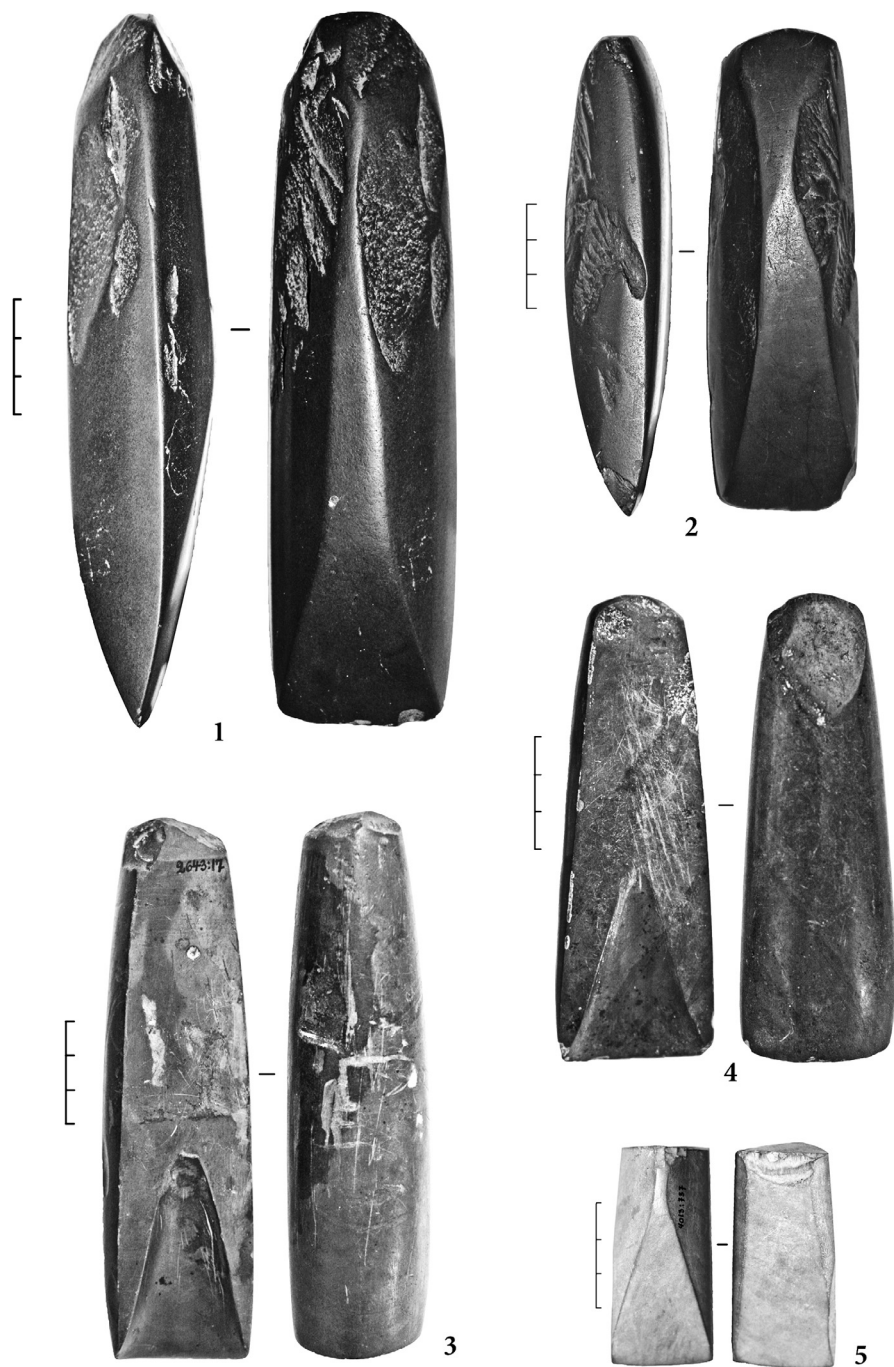

Рис. 1. Орудия русско-карельского типа, найденные на территории Эстонии: 1 – топор, случайная находка (метатиф слюдистый); 2 – тесло, случайная находка (метатиф); 3 – желобчатое тесло, случайная находка (метатиф); 4 – желобчатое тесло, случайная находка (метатиф); 5 – тесло, стоянка Акали (метатиф риолитовый)

II. Орудия других типов, которые предположительно также могли быть связаны с индустрией макроорудий в энеолите южной Карелии. Такое заключение делается на основании сходства материала (по цвету и по твердости), особенностей абразивной обработки и качества орудий. Учтены два экземпляра, один крупный топор овального сечения, вероятнее всего

изготовленный с использованием бифасиальной схемы, являющийся случайной находкой, и небольшое тесло с сечением в виде нечеткого параллелограмма из поселения Валма.

Предметов такого рода может быть несколько больше, при подготовке данного списка были учтены только наиболее показательные.

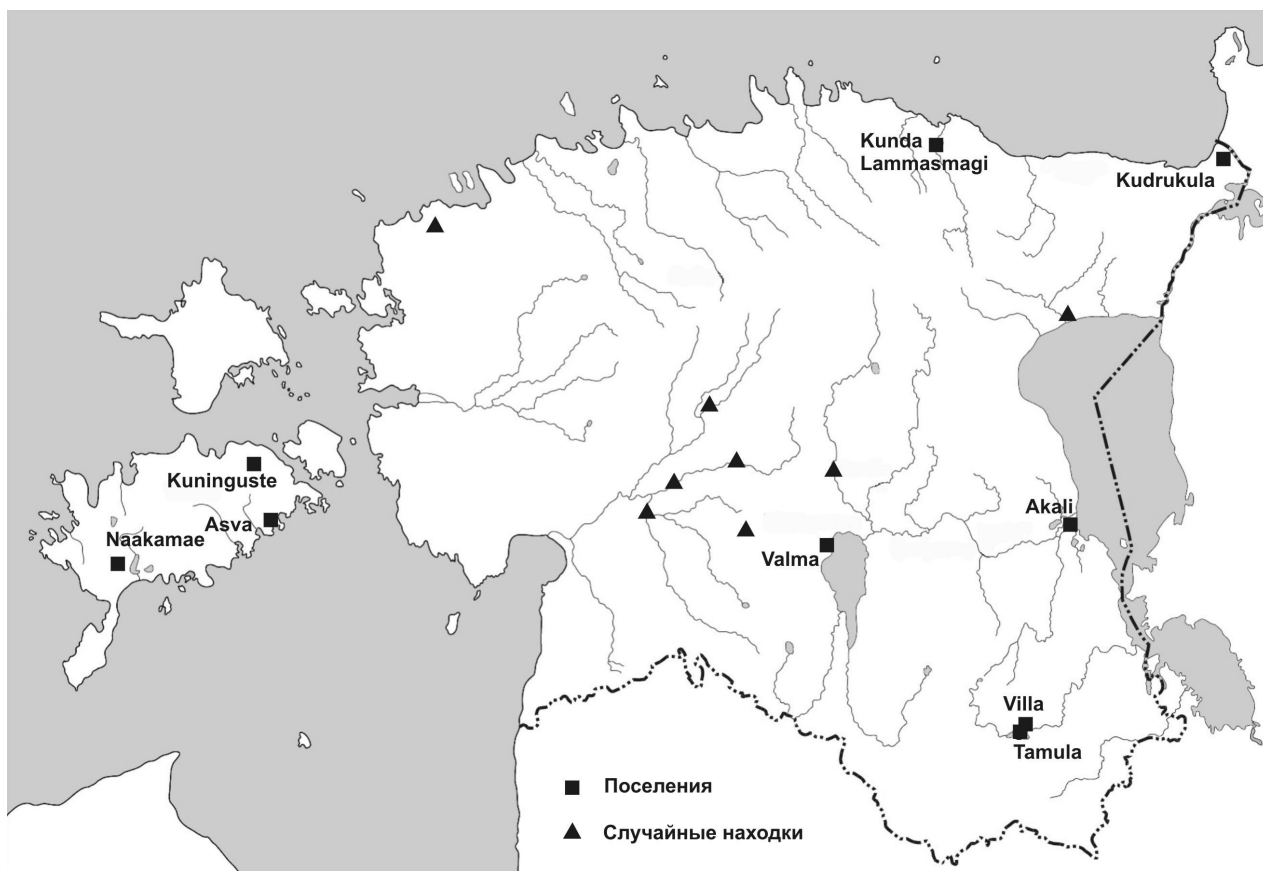

Рис. 2. Находки орудий русско-карельского типа на территории современной Эстонии

III. Орудия, соответствующие русско-карельскому типу по основным морфологическим признакам, однако отличающиеся по сырью и (или) технологии. Учтены три предмета: тесло, являющееся случайной находкой, изготовленное из необычного серого ноздреватого материала, желобчатое тесло из поселения Кудрукюла, отличающееся маленькими размерами и изготовленное, насколько можно судить, из толстого отщепы с помощью шлифовки, что необычно для орудий русско-карельского типа, и обломок обушной части орудия из поселения Кунингусте, сделанного из мягкого материала коричневатого-серого цвета.

Дать оценку таким предметам в настоящий момент сложно. Наверное, нельзя исключать, что они являлись местными подражаниями импортным изделиям, изготовленными из местных материалов или же из обломков импортных орудий (как, например, желобчатое тесло из Кудрукюла). Однако утверждать это сейчас тоже не представляется возможным.

IV. Мелкие фрагменты лезвий и сколы со шлифованных орудий. Их принадлежность к русско-карельскому типу очень вероятна, однако в связи с очень небольшими размерами

фрагментов этого нельзя утверждать наверняка. Учтены такие фрагменты, которые с очень большой степенью вероятности были отколоты от изделий с трапециевидным поперечным сечением, всего в группе 12 предметов.

1. Мелкие фрагменты лезвий. Имеются 5 экз., включая одно тесло из поселения Акали и два желобчатых тесла – из поселений Тамула I и Валма. Еще два фрагмента с равной вероятностью могли принадлежать теслу или топору – один из поселения Кудрукюла и второй из поселения Валма.

2. Сколы со шлифованных орудий. Выделены 7 экз., включая один круммейсель, предположительно изготовленный из скола со шлифованного орудия с трапециевидным сечением, и скол с лезвия тесла или топора. Круммейсель происходит из поселения Кудрукюла, скол с лезвия – из Тамулы I, остальные предметы – из поселений Кудрукюла (1 экз.), Наакамая (1 экз.) и Валма (3 экз.).

Все описанные предметы, происходящие с территории Эстонии, относятся исключительно к контексту использования орудий русско-карельского типа: готовые орудия со следами использования, целые и обломки, мелкие фрагменты, сколы со шлифованных орудий.

Не встречено ни одной заготовки или скола-отхода производства таких инструментов, т. е. технологический контекст отсутствует полностью. В то же время на территории Карелии очень хорошо представлен как контекст использования таких орудий, так и контекст, связанный с их изготовлением: заготовки, относящиеся ко всем стадиям технологического процесса, и сколы-отходы. Главным образом, они сосредоточены на специализированных стоянках-мастерских, но встречаются и на поселениях. Таким образом, уже на основании технико-типологического анализа можно было утверждать, что орудия русско-карельского типа на территории Эстонии не производились. Показательно также и то, что все несомненные находки этого типа с территории Эстонии составили лишь 7 % от количества таких изделий, происходящих из памятников с чистыми комплексами на территории Карелии.

Наблюдения, сделанные на основании изучения археологического контекста, были под-

тверждены с помощью петрографического анализа. Петрографические определения сделаны для 22 предметов из представленной серии. В основном, это предметы из группы I, а также два изделия из группы III и три изделия из группы IV (табл.). В качестве эталонов для сравнения использовалась коллекция отходов производства (отщепов и обломков заготовок) со стоянки-мастерской Фофаново XIII в устье р. Шуи на западном побережье Онежского озера, на которой очень хорошо представлен технологический контекст изготовления орудий русско-карельского типа [Тарасов, 2003].

Материал находок из Эстонии в 19 случаях определен как метатиф, в основном, серо-зеленый. В 4 случаях это белый или бежевый, с большим содержанием силиция (риолитовый) метатиф. Пластинчатая или сланцеватая минеральная масса указывает на темный метатиф с повышенным содержанием биотитовой слюды (4 предмета). 2 предмета изготовлены из темно-зеленого кавернозного сланца – один

Орудия русско-карельского типа, найденные на территории Эстонии (включены только предметы, для которых сделано петрографическое определение)

Группа	Наименование	Сохранность	Контекст, коллекционный номер	Горная порода	
Орудия русско-карельского типа	Желобчатое тесло	Целое изделие	Случайная находка из Jändja (AI 2643:17)	Метатиф	
	Желобчатое тесло	Целое изделие	Случайная находка из Jändja (AI 2643:18)	Метатиф	
	?	Целое изделие	Случайная находка из Alliklepa (AI 2835)	Метатиф биотитовый, сланцеватый	
	Желобчатое тесло	Целое изделие	Случайная находка из Sagrivaja/Kondusi (AI 3872)	Метатиф сланцеватый	
	Желобчатое тесло	Целое изделие	Случайная находка из Uusküla (AI 3873)	Метатиф	
	Желобчатое тесло	Целое изделие	Случайная находка из Umbusi (PäMu 3 A 646)	Метатиф сланцеватый	
	Тесло	Целое изделие	Случайная находка из Nurmeküla (PäMu 3 A 538)	Метатиф	
	Топор	Целое изделие	Случайная находка из Muraka (PäMu 3 A 571)	Метатиф слюдистый	
	Желобчатое тесло	Целое изделие	Случайная находка, нижнее течение р. Пярну (PäMu 2900 A2301/85)	Метатиф	
	Тесло	Целое изделие	Случайная находка, нижнее течение р. Пярну (PäMu 1 A 422)	Биотит-мусковитовый сланец, кавернозный	
	Тесло	Без обуха	Поселение Асва (AI 3994:557)	Метадиабаз	
	Тесло	Без обуха	Поселение Акали (AI 4013:737)	Метатиф риолитовый	
	Желобчатое тесло	Фрагмент лезвия	Поселение Тамула I (AI 3932:80)	Метатиф	
	Морфологически соответствующие	?	Фрагмент обуха	Поселение Тамула I (AI 4118:324)	Метатиф риолитовый
		?	Фрагмент обуха	Поселение Тамула I (AI 4118:1804)	Метатиф
Желобчатое тесло		Фрагмент лезвия	Поселение Кунда Ламмасмяги (AI 4284:415)	Метатиф	
Тесло		Лезвийная часть	Случайная находка из Riisa (PäMu 3 A 534)	Метатиф сланцеватый	
?		Обушная часть	Поселение Кунингусте (AI 4560:137)	Метатиф риолитовый	
Тесло		Целое изделие	Случайная находка из Mustivere (PäMu 3 A A653)	Биотит-роговообманковый сланец, кавернозный	
Сколы со шлифованных орудий		Скол со шлиф. орудия		Поселение Кунда Ламмасмяги (AI 4284:325)	Метатиф
		Тесло	Фрагмент лезвия	Поселение Акали (AI 4013:663)	Метатиф риолитовый
		Желобчатое тесло	Фрагмент лезвия	Поселение Тамула I (AI 4118:1187)	Метатиф

Примечание. AI = Institute of History, University of Tallinn; PäMu = Museum of Pärnu.

биотит-мусковитовый сланец, второй – биотит-роговообманковый сланец. Материалом для изготовления одного из орудий был темно-зеленый метадиабаз. В сравнительной коллекции из стоянки-мастерской Фофаново XIII, в свою очередь, также представлен метатиф – темно-зеленый, скрытокристаллический с раковистым изломом.

В Эстонии, где кристаллический фундамент находится на глубине нескольких сотен метров, под отложениями эдиакарского, кембрийского, ордовикского, силурийского, девонского и четвертичного периодов, магматические и метаморфические горные породы встречаются только на поверхности земли в виде обломочного материала – валунов, принесенных ледником со дна Балтийского моря и из Южной Финляндии [Raukas, Teedumäe, 1997]. Туфов с такой низкой степенью метаморфизма, как у проанализированного материала каменных орудий, в Эстонии не встречается.

Для сравнения необходимо указать, что материал, характерный для каменных топоров и тёсел, изготавливавшихся в Эстонии и Финляндии, отличается от материала орудий русско-карельского типа. Основную часть рубящих орудий Эстонии изготавливали из местных валунов, среди которых преобладают гнейсы с высокой степенью метаморфизма, реже порфирит и диабаз [Suuroja, 1996. Lk. 30].

До сих пор петрографический анализ рубящих орудий русско-карельского типа в больших масштабах производился только в Финляндии, где были сделаны определения материала рубящих орудий, найденных как на территории Финляндии, так и на территории Карелии. Как уже было сказано ранее, работы по изучению каменного материала начались в первой половине XX в., когда Э. Мякинен определил найденные в XIX в. в Карелии и хранящиеся в Национальном музее Финляндии рубящие орудия, среди которых также были и орудия русско-карельского типа [Äyräpää, 1944. S. 58].

Среди исследуемого материала, по мнению Мякинена, доминировал туф [Äyräpää, 1944. S. 58]. Рубящие орудия русско-карельского типа с промежуточной территории Финляндии и Карелии были определены в конце 1970-х гг. Т. Хейккуринен и О. Няюкки [Heikkurinen, 1980. S. 6]. Материал большинства из более 500 предметов был определен как «олонецкий зеленый сланец» [Heikkurinen, 1980. S. 6] – метатиф зеленого оттенка. Отдельные экземпляры были изготовлены из хлоритового сланца, слюдистого сланца и диабазы [Heikkurinen, 1980. S. 6–7].

Метатиф, использовавшийся для изготовления рубящих предметов русско-карельского типа, в природе встречается на ограниченной территории. Геолог В. Рамзай в начале XX в. локализовал эту территорию в Карелии, на побережье Онежского озера. Причем разновидность зеленого оттенка (так называемый онежский зеленый сланец) локализуется еще уже – в районе севернее Петрозаводска (включая устье р. Шуи), откуда он был принесен ледником в виде валунов на южные территории [Äyräpää, 1944. S. 59; Heikkurinen, 1980. S. 5]. Если не рассматривать некоторые исключения, все проанализированные до настоящего момента рубящие орудия русско-карельского типа были изготовлены из породы, происходящей из Карелии, из района северо-западного побережья Онежского озера, где распространены слабометаморфизованные отложения (включая метатиф) вулканического происхождения Онежской долины, датируемые ранним протерозоем, 2,3–1,7 млрд лет (так называемые комплексы ятулия – вепсия) [Геология Карелии, 1987].

Таким образом, на основании изучения технико-типологических особенностей и результатов петрографического анализа серии орудий русско-карельского типа можно утверждать, что такие орудия не были произведены на территории Эстонии. Материал, из которого изготовлено большинство этих изделий, не встречается в этом регионе. При этом он полностью соответствует тому материалу, из которого делались орудия указанного типа на мастерских в устье р. Шуи на западном побережье Онежского озера. Поскольку это единственный известный на данный момент производственный центр, в котором велось изготовление таких орудий из данного материала, можно с очень большой степенью вероятности утверждать, что предметы из эстонской серии также были изготовлены на западном побережье Онежского озера. Обнаружение таких предметов в контексте археологических памятников Эстонии, несомненно, свидетельствует о существовании сетей обмена между населением финального каменного века Карелии и Эстонии, являвшихся составной частью обширной системы контактов и взаимодействий восточнобалтийского населения.

Исследование осуществлено при поддержке гранта Эстонского научного фонда «Побережье и континентальная территория. Дуалистическое заселение восточной части Балтийского моря времен каменного века и периода раннего металла», совместного гранта Эстонского научного фонда и Российского

гуманитарного фонда «Население Нарвско-Лужского региона в каменном веке и периоде раннего металла» и Европейского Фонда регионального развития ЕС (Центр теории культуры СЕСТ).

Литература

Вуоринен Ю. Торговля кремнем и янтарем в Финляндии в эпоху неолита // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л.: Наука, 1984. С. 54–60.

Брюсов А. Я. Археологические памятники III–I тысячелетий до нашей эры в Карело-Финской ССР // Археологический сборник. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1947. С. 9–34.

Брюсов А. Я. История древней Карелии // Труды ГИМ. М., 1940. Вып. IX.

Брюсов А. Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: Наука, 1952. 264 с.

Геология Карелии / Отв. ред. В. А. Соколов. Л.: Наука, 1987. 231 с.

Гурина Н. Н. К вопросу об обмене в неолитическую эпоху // КСИА. 1974. Вып. 138: Торговля и обмен в древности. С. 12–23.

Жульников А. М. Обмен янтарем в Северной Европе в III тыс. до н. э. как фактор социального взаимодействия // Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций. СПб.: Наука, 2008. Т. 1: Археология: Адаптационные стратегии древнего населения Северной Евразии: сырье и приемы обработки. С. 134–145.

Жульников А. М. Энеолит Карелии: Памятники с пористой и асбестовой керамикой. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 1999.

Кларк Дж. Г. Д. Доисторическая Европа: Экономический очерк. М.: Наука, 1953.

Лозе И. Об основных центрах обработки и путях распространения восточнобалтийского янтаря в период среднего неолита // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллинн, 1985. С. 58–77.

Панкрусев Г. А. Мезолит и неолит Карелии. Ч. 2: Неолит. Л.: Наука, 1978.

Тарасов А. Ю. Изменчивость метрических признаков каменных орудий с поселений Карелии (неолит – ранний железный век) // Вестник КГМ. 2002. Вып. 4. С. 70–87.

Тарасов А. Ю. Центр изготовления каменных макроорудий энеолитического времени на территории Карелии // Археологические Вести. СПб.: ИИМК РАН, 2003. Вып. 10. С. 60–74.

Тарасов А. Ю. Изменения сырьевой базы индустрии макроорудий в неолите – раннем железном веке на территории Карелии // Российская археология. 2004а. № 1. С. 77–83.

Тарасов А. Ю. Энеолитическая индустрия каменных макроорудий на территории Карелии: К вопросу о специализации в производстве // Евразия: этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы. М.: Наука, 2004б. С. 94–97.

Тарасов А. Ю. Некоторые особенности социально-экономического развития населения Карелии в

неолите – раннем железном веке // Проблемы этнокультурной истории населения Карелии (мезолит – средневековье). Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2006. С. 73–112.

Тарасов А. Ю. Энеолитическая индустрия каменных макроорудий Карелии в ряду европейских индустрий позднего каменного века // Хронология, периодизация и кросс-культурные связи в каменном веке. СПб.: Наука, 2008. Вып. 1. С. 190–201.

Филатова В. Ф. Русско-карельский тип орудий в неолите Карелии // СА. 1971. № 2. С. 32–38.

Янитс Л. Ю. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги (Эстонская ССР). Таллинн, 1959.

Ailio J. Die steinzeitlichen Wohnplatzfunde in Finland, I–II. Helsingfors, 1909.

Edgren T. Kivikausi // Suomen historia, 1. Espoo, 1984. S. 18–95.

Heikkurinen T. Itäkarjalaiset tasa- ja kourutaltat. Helsingin yliopiston arkeologian laitos. Moniste n:o 21. Helsinki, 1980.

Jaaniits L., Laul S., Lõugas V., Tõnisson E. Eesti esiajalugu. Tallinn, 1982.

Kriiska A. Stone Age Settlements in the Lower Reaches of the Narva River, North-eastern Estonia. // Coastal Estonia. Recent Advances in Environmental and Cultural History. PACT 51. Rixensart 1996. P. 359–369.

Kriiska A., Tvauri A. Eesti muinasaeg. Tallinn: Avita, 2002.

Lang V. The Bronze Age and Early Iron Ages in Estonia. Estonian Archaeology, 3. Tartu: Tartu University Press. Humaniora: archaeologica, 2007.

Lang V., Kriiska A. Eesti esiajaloo periodiseering ja kronoloogia // Eesti Arheoloogia Ajakiri. 2001. 5/2. Lk. 83–109.

Moora H. Kiviaeg // Esiajalugu ja muistne vabadusvõitlus. Eesti ajalugu, I. Tartu, 1935. Lk. 10–62.

Nordquist K., Seitsonen O. Finnish Archaeological Activities in the Present-Day Karelian Republic until 1944 // Fennoscandia Archaeologica. 2008. Vol. XXV. P. 27–60.

Raukas A., Teedumäe A. (eds.). Geology and mineral resources of Estonia. Tallinn: Estonian Academy Publisher, 1997.

Suuroja T. Eesti põhjaranniku mesoliitiliste ja neoliitiliste asulakohtade kiviaines // Stilus, 6. Eesti Arheoloogia Seltsi Teated, 1. Tallinn, 1996. Lk. 30–36.

Tallgren A. M. Zur Archäologie Eestis, I. Vom anfang der Besiedlung bis etwa 500 n. Chr. Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis (Dorpatensis), III: 6. Dorpat, 1922.

Zhulnikov A. Exchange of Amber in Northern Europe in the III Millennium BC as a Factor of Social Interactions // Estonian Journal of Archaeology. 2008. 12/1. P. 3–15.

Äyräpää A. Itä-Karjala kivikaution asekapan keskustana. Tuloksia Kansallismuseon itäkarjalaisten kokoelmien tutkimuksista // Muinaista ja vanhaa Itä-Karjalaa. Tutkielmia Itä-Karjalan esihistorian, kulttuurihistorian ja kansankulttuurin alalta. Korrehtuurivedos. 1944. S. 55–73.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Тарасов Алексей Юрьевич

научный сотрудник
Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск, Республика Карелия, Россия, 185910
эл. почта: taleksej@drevlanka.ru
тел.: +79114016414

Крийска Айвар

директор института, профессор лабораторной археологии
Тартуский Университет, Факультет философии, Институт истории и археологии
Ülikooli 18, Тарту, Эстония, 50090
эл. почта: aivar.kriiska@ut.ee
тел.: +372 5527615

Кирс Юхо

научный сотрудник
Тартуский Университет, Факультет науки и технологии, Институт экологии и наук о земле
Ülikooli 18, Тарту, Эстония, 50090
эл. почта: juho.kirs@ut.ee
тел.: +372 7375834

Tarasov, Alexey

Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Science
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: taleksej@drevlanka.ru
tel.: +79114016414

Kriiska, Aivar

Institute of History and Archaeology, Faculty of Philosophy, University of Tartu
Ülikooli 18, 50090 Tartu, Estonia
e-mail: aivar.kriiska@ut.ee
tel.: +372 5527615

Kirs, Juho

Institute of Ecology and Earth Sciences, Faculty of Science and Technology, University of Tartu
Ülikooli 18, 50090, Tartu, Estonia
e-mail: juho.kirs@ut.ee
tel.: +372 7375834